

УДК 94(47)“1773/1774”

С. В. Джунджузов

Проявления недовольства участников пугачевского восстания на Урале в отношении православной церкви и ее служителей (1773—1774 гг.)

На материалах духовных правлений Русской православной церкви Урала рассматриваются события восстания Е. И. Пугачева, в которых проявлялось негативное отношение его участников к церковным властям. С особой остротой и жестокостью террор в отношении священнослужителей осуществлялся в районах компактного проживания башкир, русских староверов и в населенных пунктах, занимавшихся отрядами яицких казаков. Напротив, в тех местностях, где население заступалось за духовенство или сами священники проявляли покорность и признавали новоявленного императора, им сохранялась жизнь, а церкви могли даже не подвергаться разграблению. Сам факт участия народных низов в насилии над духовенством и осквернении храмов свидетельствовал об определенной дискредитации Русской православной церкви как государственного института в общественном сознании.

Ключевые слова: духовенство, староверы, церковь, восстание, террор, осквернение.

Тема взаимоотношений православного государства и общества на территории Оренбургского края неоднократно поднималась в современной научной литературе, однако практически всегда в фокусе оказывалась та или иная ситуация сотрудничества [9, 14]. Между тем зачастую на первый план выходили именно борьба и столкновение. В первую очередь это касается такого крупнейшего события XVIII века, как народное движение 1773—1775 гг.

По территориальному размаху и вовлеченности населения восстание Емельяна Пугачева (1773—1774 гг.) представляет собой самый масштабный социально-политический конфликт в истории России XVIII столетия. «Золотой век» его изучения пришелся на советский период. Методологической базой научных изысканий историков тогда неизменно выступала марксистско-ленинская теория классовых противоречий. Причины восстания рассматривались как совокупность обострившихся классовых противоречий, переросших в открытую форму вооруженной борьбы. На стороне Е. И. Пугачева, выдававшего себя за «императора Петра III», выступили крепостные крестьяне, казаки Яика, горнозаводские рабочие, угнетенные народы Поволжья и Приуралья. Бесправное положение народных масс определялось понятием «гнет». Крестьяне и представители других подневольных сословий подвергались крепостному угнетению, населявшие Россию народы страдали от национального гнета, а те из них, кого склоняли к принятию христианства, оказывались под религиозным гнетом православной церкви. Таким образом, религиозный фактор рассматривался в качестве придатка к крепостническому и национальному угнетению инородческого населения. Так, участие башкир в разорении церковей объяснялось колонизацией башкирских земель русским духовенством, которое «всеми правдами и неправдами обращало башкир в христианскую веру, обирая при этом новокрещеных» [10, с. 41].

Не меньший урон официальной православной церкви нанесли повстанцы-старообрядцы, представленные главным образом яицкими казаками и частью русского населения Урала и Зауралья. По мнению Н. Н. Фирсова, сам Пугачев санкционировал истребление нелояльного к нему духовенства. Во время допроса один из соратников самозванного царя показал: «Он давал свободу приверженцам своим, большею частью из кержаков яицких (т. е. раскольников), грабить святые храмы: на это проклятые изуверы сии были до ожесточения дерзки» [20, с. 109].

© Джунджузов С. В., 2017

Однако в целом, за исключением отдельных упоминаний и пояснений, религиозный аспект восстания Е. Пугачева не получил должного отражения в исторической литературе. Даже в авторитетном издании А. В. Карташова «Очерки по истории Русской церкви» «испытаниям пугачевщины» уделено не более страницы [12, с. 541—542].

Цель данной статьи: основываясь на материалах духовных правлений Урала, рассмотреть события восстания под руководством Е. И. Пугачева, в которых проявлялось негативное отношение его участников к церковным властям. В качестве источников были привлечены сведения из «Доклада Духовной консистории преосвященному Лаврентию Барановичу о разграбленных и сожженных церквях и пострадавших при них священнослужителях в пугачевский бунт, 1775 г. марта 5», а также материалы из фонда Оренбургской духовной консистории Государственного архива Оренбургской области и опубликованные в «Оренбургских губернских ведомостях» за 1851 и 1852 г. рапорты священнослужителей на имя Тобольского и Сибирского архиепископа.

По содержанию и объему информации «Доклад Духовной консистории» является наиболее полным источником, содержащим статистические сведения и пояснения о священнослужителях, как подвергшихся насилию, так и перешедших на сторону восставших, а также церквях, сожженных, ограбленных или оскверненных пугачевцами. Сведения для составления подобного доклада собирались и по приходам Оренбургского духовного правления. С этой целью в июне 1774 г. в инспекторскую поездку по Самарской линии, от Оренбурга до крепости Красносамарской, был направлен копиист Правления Григорий Соколов. Согласно инструкции, он должен был выяснить: где, когда и кем были убиты священнослужители и члены их семей; где и кем были разграблены и осквернены церкви. Причем в отдельную ведомость следовало заносить сведения, «в которых местах сам Пугачев или с имени его входили в церковь бунтующие с ним вообще башкирцы, калмыки и киргизцы и какое особенное поругание сии неверные производили» [3, л. 2—2 об.]. К сожалению, отчет Г. Соколова в фондах Оренбургского архива обнаружить не удалось. Однако свидетельства, изобличающие антицерковную направленность преступных деяний сторонников Пугачева, в полной мере представлены в донесениях местных церковнослужителей в Оренбургское духовное правление.

Враждебное отношение большинства мятежников к официальной церкви имело веские основания.

Во-первых, с упразднением патриаршества и подчинением духовенства Святейшему Синоду церковь превратилась в отрасль государственного управления, а ее служители, по сути, в государственных чиновников. А в период «пугачевского лихолетья» им вменялось в обязанность публично разоблачать самозванство Е. Пугачева, угрозами и увещаниями склонять бунтующее население к повиновению. Всем приходским священникам Казанской епархии предписывалось в церквях в воскресные и праздничные дни зачитывать Увещательное наставление архиепископа Казанского и Свияжского Вениамина. Владыка Вениамин свидетельствовал, что в июле 1762 г. как архиепископ Санкт-Петербургской епархии он лично присутствовал в Александро-Невском монастыре на погребении императора Петра III, и более того, будучи в должности настоятеля Александро-Невской лавры, вместе с другими архиереями отпевал покойного императора. Погребение совершалось публично: «в присутствии всего Святейшего Синода, также Правительствующего Сената и других знатных российских и иностранных особ и прочих бесчисленного числа людей». На этом основании архиепископ уверял паству в том, что «оказавшийся в Оренбургской губернии злодей, разбойник, бунтовщик и раскольник беглый с Дона, казак Пугачев, именованного императора Петра третьего титул возложил на себя подлинно ложно, бесстыдно и богопротивно» [1, л. 9].

С аналогичными посланиями обращались к пастве и другие архиереи. Епископ Вятский и Великопермский Варфоломей грозил присоединившимся к «извергу рода человеческого» Е. Пугачеву клятвopеступникам отлучением от церкви и небесными карами [13].

Из страха перед повстанцами либо искренней веры в царское происхождение самозванца и сочувственного отношения к поднятому им движению население охваченных восстанием районов с готовностью откликалось на призывы Пугачева. Так, служители Петропавловской церкви Куртамышского пригородка доносили в Воскресенское духовное правление Тобольской епархии, что во время нахождения в их местности сподвижников самозванного царя собравшиеся по этому случаю крестьяне на вопрос: будут ли они государю Петру III верить и служить, с готовностью отвечали, что верить и служить будут. Видимо, для оправдания собственного бессилия церковнослужители уведомляли вышестоящее начальство: «Прихожане наши, хотя мы им в церкви во все воскресные и праздничные дни данные нам из Духовного правления о тех злодеях состоявшиеся указы и наставления читали, но неведомо отчего они все то презрели. Ибо при прочитывании оных ни от кого мы никаких противословий и разглашений не слышали» [17]. Несомненно, под этими словами с готовностью могли подписаться священники всех приходов, оказавшихся в очаге пугачевского восстания!

Во-вторых, недовольство правительственной политикой, направленной на лишение яицких казаков самоуправления и усиление власти войсковой старшины, также распространялось на официальную церковь. Екатерина II не преследовала яицких казаков, как и их единоверцев, за отправление старых обрядов, но память о былых гонениях «за верность старине» крепко засела в казацких головах. Пугачев в полной мере воспользовался бунтарской психологией старообрядцев, пообещав им «жалование крестом и бородой».

В-третьих, как уже говорилось выше, значительный рост повстанческого движения на Урале обеспечили примкнувшие к Пугачеву башкиры, татары и калмыки. Как и в советский период, современная историография продолжает рассматривать поддержку восстания народами Поволжья и Урала с позиции национального, экономического и религиозного угнетения [11, с. 294—295]. Переселенные на Южный Урал в связи с образованием Оренбургской губернии казанские и кондуровские татары, как и коренные жители Урала — башкиры, в основной своей массе исповедовали ислам. Записанные в войсковое сословие оренбургские и ставропольские калмыки были новокрещеными православными христианами, перешедшими в христианство незадолго до восстания — в 20—60-е гг. XVIII в. Не знавшие русского языка калмыки не понимали основ своего нового вероисповедания и тайно от церковных и светских властей продолжали исповедовать свою прежнюю религию — буддизм. Поводом для смены исповедания для рядовых калмыков служил пример их владельцев и другие жизненные обстоятельства — получение от Российского государства вознаграждения и льгот в новом месте жительства, возможность избежать наказания или освободиться из-под власти своих прежних владельцев. Проведенные исследования показывают, что присоединение ставропольских калмыков к пугачевщине носило стихийный характер, вызванный ослаблением царской власти в Волжско-Уральском регионе и возможностью безнаказанного ограбления зажиточного населения, в состав которого входило и православное духовенство [7, с. 50].

Восстание Пугачева сопровождалось беспощадным террором в отношении помещного дворянства, офицеров, местных чиновников и лиц духовного звания. Однако в силу глубокой народной религиозности Е. И. Пугачев и его соратники нуждались в моральной поддержке православного духовенства. Перед священнослужителями стоял непростой

выбор: либо оставаться верными присяге и ожидать мученической смерти, либо признать «императором» самозванца и стать государственными преступниками.

По неполным статистическим данным, за период восстания было убито 257 служителей церкви. Расправы над духовенством начались с первых дней движения яицкой казачьей вольницы по направлению к Оренбургу. 25 сентября 1773 г. ворвавшиеся в крепость Рассыпную повстанцы вместе с комендантом крепости И. Ф. Веловским и другими офицерами повесили священника Иллариона Ларионова. Отец Илларион отказался присягать Пугачеву, приводить к присяге гарнизон и жителей крепости [4, л. 1; 15, с. 54—55]. По той же причине были казнены в декабре 1773 г. священник располагавшейся на Нижне-Яицкой линии Калмыковой крепости Давыд Иванов [16, с. 155] и уже после отступления от Оренбурга, 5 мая 1774 г., священник Магнитной крепости Никита Иванов.

Убийства православных священнослужителей заметно участились с переносом военных действий на территорию Башкирии и горных заводов Урала. В ведомости, представленной епископу Лаврентию, указаны 35 служителей, убитых по приказу Е. Пугачева или его сподвижников. Из них по ведомству Сарапульского духовного правления — 21, Пермского — 3, Уфимского — 11. Под каждым именем имелась запись об обстоятельствах и способе казни: повешен, «замучен и исколот толпой», расстрелян, «иссечен саблями» [8, с. 57—60].

Известия о расправах над священнослужителями поступали из зауральных духовных правлений соседней Тобольской губернии. В рапорте Троицкого духовного правления сообщалось об убийстве повстанцами в Петропавловской крепости священника Петра Орефьева и дьячка Саввы Манина [18]. Затем, после отступления пугачевцев от Троицкой к Чебаркульской крепости, 30 мая 1774 г. был предан смерти священник села Кундравы Иван Мухин, а церкви как в самом селе, так и в Чебаркульской крепости — сожжены [19].

Внезапность восстания, паника и страх перед творившими неправый суд разбойниками заставляли местных священников искать покровительства Пугачева и его приспешников. Лишь немногие из них, судя по сохранившимся источникам, добровольно клялись в верности самозваному царю. В большинстве случаев лояльность духовенства демонстративно проявлялась в церемонии торжественной встречи при вступлении повстанцев в населенный пункт. Проходили они по схожим сценариям. В одной из первых занятых войском Пугачева крепости — Илецком городке — во главе процессии шли священники Андрей Иванов и Иван Иванов, а следом за ними казаки с хлебом, солью и знаменами. Шествие сопровождалось звоном церковных колоколов. В церкви был отслужен торжественный молебен, пели многолетие новоявленному «государю». Илецкие казаки были приведены к присяге. Сам Пугачев во время молебна «сидел в церкви в углу на стуле и около его стояли илецкие казаки с ружьями» [15, с. 61—62].

Подобострастная встреча не всегда служила гарантией благосклонного отношения предводителя мятежников к священнослужителю. Так, Павел Стефанов, состоявший священником при церкви в Ильинской крепости, захваченной самим Пугачевым 29 ноября 1773 г., вынужден был идти на поклон в ставку «императора» в соседнюю татарскую деревню. В записи, представленной А. С. Пушкиным, пояснялось: «Пугачев к кресту не подошел, но попа оставил в живых» [16, с. 403]. Напротив, торжественный прием, оказанный священником церкви Сакмарского городка Иваном Михайловым 2 марта 1773 г., настолько растрогал Пугачева, что он в тот же день произвел отца Иоанна в «главные командиры» Сакмарского городка и атаманы местной казачьей команды. Михайлов неоднократно посещал ставку Пугачева в Бердской слободе и давал обеды «в честь императора» во время наездов самозваного царя в Сакмарский городок. В январе 1774 г.

И. Михайлов сложил обязанности казачьего атамана и вновь облачился в священническую рясу. После поражения повстанцев в сражении у Сакмарского городка 2 апреля 1774 г. И. Михайлов в числе других государственных преступников был препровожден в Оренбург. 17 мая он предстал перед следователями секретной комиссии и дал им подробные показания о службе у Пугачева [16, с. 251].

В число священнослужителей, заподозренных Оренбургским духовным правлением в связях с пугачевцами, попали священник церкви в Тоцкой крепости Гаврила Васильев, дьячок той же церкви Филипп Гаврилов и священник села Стюхина Иван Федоров. Командированному на Сакмарскую линию копиисту Г. Соколову поручалось выслать их в Оренбург для следствия [3, л. 13]. Всего, с учетом лишенного сана и определенного в дьячки священника Татищевой крепости Степана Семенова [5, л. 1], по Оренбургскому духовному правлению выявлены 6 церковнослужителей, уличенных в связях с мятежниками. Очевидно, их список нельзя считать полным, так как статистика по другим духовным правлениям Урала существенно превосходит оренбургский показатель.

В Пермской епархии, согласно ведомости «о том, кто самозванца злодея Пугачева и его сообщников со кресты встречали, а другие под именем службы чинили Государю Третьему Императору Петру Феодоровичу присягу и имя его в молитвословиях вспоминали», изменническое деяние совершили 53 церковных служителя. Из них по ведомству Сарапульского духовного правления — 12, Пермского — 12, Уфимского — 29 [8, с. 64—65]. Некоторые священники уходили к староверам. Та же ведомость в дополнение к статистике содержит пояснение: «Некоторые-де попы в город Уфу явились весьма дики и сказывали по злодейскому приказанию, службу совершали и свадьбы венчали по солнцу и прочие таинства по воле злодейской отпавляли» [8, с. 65].

Но даже те священнослужители, которые не были уличены в связях с пугачевцами, вынуждены были доказывать свою невиновность, если их приходы оказывались в зоне, контролируемой повстанцами. Служители церкви села Покровское (Ташла) объясняли свое проживание в охваченной мятежом местности его внезапностью и отсутствием возможности выехать в Оренбург. Отводя от себя подозрения, они уверяли руководство Правления, что почитали Пугачева за «злющего злодея» и, не страшась напрасной смерти, в церковном служении упоминали императрицу Екатерину Алексеевну, ее сына и наследника Павла Петровича и супругу его великую княгиню Наталью Алексеевну. В качестве свидетелей в донесении указываются местные поселяне и служащие помещика Тимашева [2, л. 1 об.].

Вопреки властным предписаниям, обещавшим «попам-изменникам» грозные кары и смертную казнь, члены следственных комиссий учитывали обстоятельства, вынуждавшие приходских священнослужителей, часто не по доброй воле, признавать самозваного императора. Их приговаривали к лишению священнического сана, определению на житьельство в монастырь, отдаче в солдаты. В качестве дополнительного наказания, как это было с лишенным сана священником Сакмарского городка, назначалась порка плетьюми [8, с. 64—65].

«История пугачевского бунта» знает примеры, когда заступничество прихожан спасало от смерти их духовных пастырей, попавших в немилость к Пугачеву или его соратникам. Состоявший священником при церкви Богоявления Господня в Богоявленском заводе Петр Григорьев в рапорте «О злодействе и издевательствах» от 17 марта 1775 г. засвидетельствовал следующее. Завод находился в руках бунтовщиков с 23 ноября 1773 по 25 марта 1774 г. На вопрос пугачевского полковника, яицкого казака Ильи Ульянова: кому служишь и впредь служить будешь? — отец Петр решительно заявил: «Я как ныне, так и впредь желаю продолжать ревностную мою службу Богу и всемилостивейшей моей

государыне Екатерине Алексеевне». За «дерзкие речи» И. Ульянов избил священника плетью, а затем повелел повесить. «Однако, — как пишет П. Григорьев, — прихода моего вышеписанного завода обыватели, собравшись все как мужского, так и женского пола... пред ним Ульяновым произносили слезные прошения, чтобы я был для их и малых младенцев помилован» [6, л. 1—2].

В отдельных ситуациях избавление от злодейской расправы, воспринимаемое самими священниками как явленная им божественная милость, происходило благодаря расторопности командиров правительственных войск и других случайных обстоятельств. В частности, такой случай был описан в рапорте Троицкого духовного правления на имя епископа Тобольского и Сибирского Валаама. 20 мая войско Пугачева, насчитывавшее до 10 тыс. человек, сломало сопротивление защитников Троицкой крепости. С улиц резня перекинулась в церковь, где протопоп Филипп Голяховский со всем местным духовенством отправлял службу об освобождении от насилия. У протопопа отобрали крест. Всех священников заставили снять ризы. При выходе из церкви протопоп Филипп получил ранение копьем в голову. Убит был исполнявший подьяческую должность в Духовном правлении отставной капрал Семен Рязанов. Протопопа и церковнослужителей вывели в степь, где по приговору Пугачева над ними должна была состояться казнь. «И только, — как говорилось в рапорте, — за великую просьбу пощажены и прощены». На следующий день, 21 мая, к Троицкой крепости подошел корпус правительственных войск генерала И. А. Деколонга. Несмотря на неожиданное нападение, застигнутые врасплох пугачевцы в течение четырех часов оказывали упорное сопротивление. В бою с правительственными войсками Пугачев потерял 4 тыс. убитыми, еще столько же попали в плен. Лишь расторопность самого Пугачева помогла ему избежать окружения [16, с. 430]. Однако, по свидетельству служителей Троицкого духовного правления, «когда правительственные войска начали злодея побеждать, приказал злодей протопопа и прочих духовных расстрелять и были наведены уже по всем улицам пушки, только Господь Бог и тут своей всеильной десницей защитил и спас. Ибо того же часу был он, злодей, совсем разбит» [18].

Отступавшие под натиском правительственных войск повстанческие отряды Пугачева оставляли после себя оскверненные, разграбленные, сожженные православные храмы. Их поведение мотивировалось жаждой наживы, ощущением безнаказанности и вседозволенности, а также религиозной неприязнью со стороны русских староверов и представителей народов Урала и Поволжья, исповедовавших другие религии — ислам, буддизм (калмыки), язычество. Реестр понесенных церквями убытков составлялся по каждому приходу, затем на их основе составлялись обобщающие ведомости по духовным правлениям и епархиям. Из статистических источников по Пермской епархии следует, что учет производился по трем ведомостям. В первую ведомость вносились сведения о местах, где церкви были разграблены и сожжены, во вторую — только разграблены, но не сожжены, в третью — «о том, кто во святые церкви входили, только никакого грабежу из тех церквей чинимо не было». В каждой ведомости в отдельной графе указывалась этническая принадлежность преступников. Так, из первой ведомости следует, что в Пермской епархии было ограблено и сожжено 11 церквей. Из них: башкирами — 2, башкирами и русскими — 3, калмыками и татарами — 1, русскими — 5 [8, с. 53—55].

Использованный в статье фактологический материал позволяет заключить, что выступление на стороне Пугачева значительного поликонфессионального и полиэтнического контингента в ряде случаев придавало его движению характер религиозного противостояния. С особой остротой и жестокостью он проявлялся в районах компактного проживания башкир, русских староверов и в населенных пунктах, занимавшихся отрядами яицких казаков. Напротив, в тех местностях, где население заступалось за «своих батюшек»

или сами священники проявляли покорность и признавали новоявленного императора, духовенству сохранялась жизнь, а церкви могли даже не подвергаться разграблению. На такую зависимость указывают, в частности, приведенные выше статистические данные по Сарапульскому и Уфимскому духовным правлениям. Число убитых пугачевцами священнослужителей по Сарапульскому правлению почти в два раза превосходило аналогичный показатель по Уфимскому правлению. В то же время второй показатель — число священников, переметнувшихся на сторону самозванца, — по Уфимскому правлению был в два с половиной раза выше, чем по Сарапульскому. Сам факт участия народных низов в насилии над духовенством и осквернении храмов свидетельствовал об определенной дискредитации Русской православной церкви как государственного института в общественном сознании.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Научного Фонда в рамках проекта РНФ «Имперская политика аккультурации и проблема колониализма», проект № 17-18-01008.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 172. Оп. 1. Д. 4077.
2. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 4081.
3. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 4102.
4. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 4113.
5. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 4118.
6. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 4243.
7. Джунджузов С. В. «Пугачевское замешательство» и Ставропольское калмыцкое войско // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 2 (103). С. 49—52.
8. Доклад Дух. Консистерии преосв. Лаврентию Барановичу о разграбленных и сожженных церквях и пострадавших при них священно-церковнослужителях в Пугачевский бунт, 1775 г. марта 5. Сообщ. В. И. Шабалин // Труды Вятской архивной ученой комиссии. 1908. Вып. 1. С. 52—69.
9. Ефименко М. Н. Миссионерская деятельность Русской Православной церкви в Оренбургской губернии (XVIII—XIX века) // Влияние христианских традиций на культурную жизнь Оренбургского края : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 2000-летию христианства. Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 1999. С. 42—47.
10. Заичкин И. А., Почкаев И. Н. Русская история от Екатерины Великой до Александра II. М. : Мысль, 1994. 765 с.
11. История Башкортостана с древнейших времен до конца 60-х годов XIX века. Уфа : Китап, 1997. 520 с.
12. Карташов А. В. Очерки по истории русской церкви // Собрание сочинений : в 2 т. М. : ТЕРРА-ТЕРРА, 1994. Т. 2. 569 с.
13. Краткое увещание преосвященного вятского и великопермского к народу своей епархии // Русская старина. 1917. № 10—12. С. 129—130.
14. Любичанковский С. В. Деятельность Оренбургской епархии по борьбе с христианским сектантством в пореформенный период // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. Т. 18, № 3. С. 46—49.
15. Овчинников Р. В. За пушкинской строкой. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988. 366 с.
16. Оренбургская пушкинская энциклопедия. Оренбург : Димур, 1997. 516 с.
17. Осада Куртамышы Пугачевым // Оренбургские губернские ведомости. 1851. № 49.
18. Осада Троицка Пугачевым // Оренбургские губернские ведомости. 1851. № 48.
19. Сожжение Чебаркульской крепости // Оренбургские губернские ведомости. 1852. № 2.
20. Фирсов Н. Н. Пугачевщина: опыт социолого-психологической характеристики. 3-е изд. Л. : Прибой, 1924. 155 с.

Поступила в редакцию 30.01.2017

Джунджузов Степан Викторович, доктор исторических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: djund@yandex.ru

UDC 94(47)“1773/1774”

S. V. Dzhundzhuzov

Display of discontent by the participants of Pugachev's rebellion in the Ural region concerning Orthodox church and its representatives (1773—1774)

This article considers the events of Pugachev's rebellion, which showed the negative attitude of its participants to the church authorities, based on the materials of spiritual boards of Russian Orthodox Church of the Ural Region. Terror towards priests was implemented with extreme violence and cruelty in the lands of compact settlement of the Bashkirs, Russian Old Believers, and Yaik Cossacks. On the contrary, in those areas where the population interceded for clergy or priests showed humility and recognized the newly appeared Emperor, their lives were preserved, and churches could not be exposed even to plunder. The fact of participation of national lower masses in violence against clergy and defilement of temples demonstrated a certain discredit of Russian Orthodox Church as a state institution in public consciousness.

Key words: clergy, Old Believers, church, rebellion, terror, defilement.

Dzhundzhuzov Stepan Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: djund@yandex.ru

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archives of the Orenburg Region] (GAOO). F. 172. Op. 1. D. 4077.
2. GAOO. F. 172. Op. 1. D. 4081.
3. GAOO. F. 172. Op. 1. D. 4102.
4. GAOO. F. 172. Op. 1. D. 4113.
5. GAOO. F. 172. Op. 1. D. 4118.
6. GAOO. F. 172. Op. 1. D. 4243.
7. Dzhundzhuzov S. V. “Pugachevskoe zameshatel'stvo” i Stavropol'skoe kalmytskoe voisko [“Pugachev's confusion” and the Stavropol Kalmyk army]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 2 (103), pp. 49—52. (In Russian)
8. Doklad Dukh. Konsistorii preosv. Lavrentiyu Baranovichu o razgrablennykh i sozhzhennykh tserkvakh i postradayshikh pri nikh svyashchenno-tserkovnosluzhiteleyakh v Pugachevskii bunt, 1775 g. marta 5. Soobshch. V. I. Shabalin [Report of the Consistory's clergy to the Right Reverend Lavrentiy Baranovich on the looted and burnt churches and the sacrificially-clergymen who suffered during the Pugachev's rebellion, 1775, March 5. Reported by V. I. Shabalin]. *Trudy Vyatskoi arkhivnoi uchenoi komissii*, 1908, is. 1, pp. 52—69. (In Russian)
9. Efimenko M. N. Missionerskaya deyatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi tserkvi v Orenburgskoi gubernii (XVIII—XIX veka) [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in the Orenburg province (XVIII—XIX century)]. *Vliyaniye khristianskikh traditsii na kul'turnuyu zhizn' Orenburgskogo kraya : materialy nauch.-prakt. konf., posvyashch. 2000-letiyu khristianstva* [Influence of Christian traditions on the cultural life of the Orenburg region: materials of scientific-practical conf., dedicated to 2000 anniversary of Christianity]. Orenburg, IPK GOU OGU Publ., 1999, pp. 42—47. (In Russian)
10. Zaichkin I. A., Pochkaev I. N. *Russkaya istoriya ot Ekateriny Velikoi do Aleksandra II* [Russian history from Catherine the Great to Alexander II]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 765 p. (In Russian)
11. *Istoriya Bashkortostana s drevneishikh vremen do kontsa 60-kh godov XIX veka* [History of Bashkortostan from ancient times to the late 60s of the XIX century]. Ufa, Kitap Publ., 1997. 520 p. (In Russian)
12. Kartashov A. V. Ocherki po istorii russkoi tserkvi [Essays on the history of the Russian church]. *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [Collected works: in 2 vol.]. Moscow, TERRA-TERRA Publ., 1994. Vol. 2. 569 p. (In Russian)
13. Kratkoe uveshchanie preosvyashchennogo vyatskogo i velikopermskogo k narodu svoei eparkhii [Brief admonition of the Most Reverend of Vyatka and Great Perm to the people of his diocese]. *Russkaya starina*, 1917, no. 10—12, pp. 129—130. (In Russian)
14. Lyubichankovskii S. V. Deyatel'nost' Orenburgskoi eparkhii po bor'be s khristianskim sektantstvom v poreformennyi period [Activities of the Orenburg diocese on combating Christian sectarianism in the post-reform period]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2016, vol. 18, no. 3, pp. 46—49. (In Russian)

15. Ovchinnikov R. V. *Za pushkinskoi strokoi* [Behind the Pushkin line]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1988. 366 p. (In Russian)
16. *Orenburgskaya pushkinskaya entsiklopediya* [Orenburg Pushkin Encyclopedia]. Orenburg, Dimur Publ., 1997. 516 p. (In Russian)
17. Osada Kurtamysha Pugachevym [Pugachev's Siege of Kurtamysh]. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*, 1851, no. 49. (In Russian)
18. Osada Troitska Pugachevym [Pugachev's Siege of Troitsk]. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*, 1851, no. 48. (In Russian)
19. Sozhzhenie Chebarkul'skoi kreposti [Burning Chebarkul Fortress]. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*, 1852, no. 2. (In Russian)
20. Firsov N. N. *Pugachevshchina: opyt sotsiologo-psikhologicheskoi kharakteristiki. 3-e izd.* [Pugachev's rebellion: experience of sociological and psychological characteristics. 3rd ed.]. Leningrad, Priboi Publ., 1924. 155 p. (In Russian)